ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!
Сергей Зверев
КОНТРАКТНИК
ОТПУСК ПОД ПУЛЯМИ

Сергей Иванович Зверев

Отпуск под пулями

Серия «Контрактник»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333862
Зверев С. Отпуск под пулями: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-38827-1

Аннотация

Думал ли сержант-контрактник Владимир Локис, что, приехав отдохнуть в курортный крымский город, вдруг окажется в эпицентре запутанной и опасной истории? Вместо того чтобы нежиться на пляже, ему приходится драться и выручать друзей, угодивших в сети турецких жуликов и отчаянных головорезов из Иностранного легиона. Локис вполне мог бы выйти из игры, но ведь весь сыр-бор разгорелся из-за старинного артефакта, оказавшегося одной из самых ценных святынь христианства…

Содержание

1	4
2	15
3	22
4	30
5	37
6	49
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Зверев
Отпуск под пулями

1

… – Нет, ни калечить, ни убивать никого не надо! Не хватало мне еще сложностей и проблем с местной полицией! Нужно просто немножко помять им кости и слегка припугнуть, чтобы поняли, что в детские игры с ними играть никто не собирается…

Широкоплечий и, вероятно, высокий мужчина, сидевший за шатким пластиковым столиком, слегка пристукнул ладонью по столешнице. Лица говорившего было не видно, только спина, обтянутая легкой тканью рубашки какой-то легкомысленной гавайской расцветки, и коротко стриженный затылок позволяли предположить, что мужчине около сорока, что он еще довольно спортивен и крепок, а суховатый и жесткий тон, в котором явно присутствовали начальственные нотки, вполне мог свидетельствовать, что его обладатель – мужчина деловой и серьезный.

– А если они не испугаются? – лениво поинтересовался собеседник – смуглый мужичок помоложе и попроще, но тоже явно не из простых работяг.

– Никаких если! Иначе за каким чертом вы мне тут нуж-

ны?! – В голосе мужчины послышалось глухое раздражение и недовольство. – Я для того и вызвал тебя и твоих парней, чтобы вы решали кое-какие проблемы, не задавая идиотских вопросов! И деньги довольно приличные, между прочим, я плачу только за дело и за результат. Пора бы уже запомнить, что я не благотворительная контора для нищих бродяг…

– О'кей, босс, – смуглый примирительно поднял ладони и чуть насмешливо посмотрел на взволновавшегося из-за какой-то ерунды мужчину: – Надо напугать – напугаем!

Владимир незаметно скосил взгляд и еще разок осмотрел мужчин, разговаривавших за соседним столиком. Смуглый крепыш ему решительно не понравился. Резкие, грубоватые черты лица, нагловатые темные глаза, прилично накачанная поджарая фигура вполне позволяли предположить в нем обычного бандита из местных братков, обсуждающего со своим строгим боссом какие-то темные делишки, если бы не одна интересная особенность. Точнее, даже две.

Во-первых, разговор велся по-английски. А во-вторых, маечка у смуглого была без рукавов, и на плече можно было рассмотреть небольшую цветную татуировку. Любопытная такая татуировочка! Ни на российских, ни на украинских зонах таких не колют – это Володя знал почти точно. Эту татушку сажают на плечико молодецкие веселые ребята из французского Иностранного легиона. И какого черта, интересно, могут делать легионеры в Крыму, в неприметном, сонном и мирном городишке с забавным для русского уха на-

званием Судак? Уж, наверное, не знаменитые местные вина и шампанское приехали дегустировать – у них своего хоть залейся! «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс…» Тогда что? И кого это они, любопытно, пугать задумали?..

Владимир неторопливо отхлебнул из пластикового стаканчика густо-красного вина, достал сигарету из желто-белой пачки с изображением симпатичного верблюда и задумчиво похлопал по карманам легких полотняных брюк якобы в поисках зажигалки. Не нашел, глянул по сторонам и, шумно вставая из-за своего столика, решительно направился к соседнему, довольно умело изображая чуть подвыпившего отдыхающего.

– Здрасти! Ребята, огоньку у вас не будет, а? А то где-то я свою зажигалку…

Смуглый исподлобья оценивающе посмотрел на молодого, по виду тоже далеко не слабого парня лет двадцати с небольшим, явно слегка поддатого, и тут же потерял к нему интерес. Простое русское лицо с глуповатыми светлыми глазами, брючки, тенниска с отложным воротничком, черная борсетка, болтающаяся на запястье, – самый обычный хлыщ из тех, что целыми днями и ночами шляются по курортному городку и никогда не просыхают. У русских это почему-то называется «отдыхать».

– Огоньку? Да без проблем, – мужчина постарше неожиданно обаятельно улыбнулся, демонстрируя великолепную работу явно забугорных стоматологов, и щелкнул дорогой,

блеснувшей золотом зажигалкой.

Так вот ты какой, северный олень! Сухой и жесткий, как дубовая доска, – прямо-таки Рутгер Хауэр, истинный ариец. «А ведь и верно, – прикинул мысленно Володя, – акцент у него явно не английский, пожестче, больше на немецкий смахивает…»

– Ум-гу… Спасибо, брат, – Владимир благодарно кивнул и неспешно вернулся за свой столик, нещадно пыхая сигаретным голубым дымком. Вообще-то он не курил, но здесь, на отдыхе, быстро прикинул, что некурящий мужчина почему-то всех настораживает и вызывает легкое недоумение, и обзавелся пачкой сигарет. Меньше вопросов, да и с людьми порой, как выяснилось, проще и знакомиться, и общаться…

А все-таки было бы любопытно разузнать, что за мафиозные дела собираются крутить здесь, на территории «нэзалэжной Украйни», в автономной республике Крым, этот истинный ариец и наемник-легионер…

…В том, что Владимир Олегович Локис в разгар курортного сезона оказался в Судаке, в большей степени была заслуга его матери, Антонины Тимофеевны. «Ой, сынок, совсем ты со своей службой замотался! – Мама всплескивала руками и озабоченно оглядывала сына, действительно порой устававшего на службе до темных чертиков в глазах. – Вот отпуск тебе дали, так и съездил бы на море, отдохнул! А то ни солнца, ни воздуха свежего на своих складах не видишь… Тем более там сейчас, говорят, не очень дорого, а

платят тебе, слава богу, неплохо. Езжай, сынок, когда еще доведется-то настоящее море посмотреть?» Мама до сих пор искренне верила, что Вовка служит каптерщиком на одном из складов при парашютно-десантной части: сапоги и валенки считает-выдает. Владимиру стоило немалых трудов уверить мать в том, что его служба по контракту совершенно «не опасна и не трудна» – хватит с матери и того, что она ночей не спала, когда он служил в ВДВ срочную! Все боялась, что ее сына или старослужащие «деды» обидят, унизят или изобьют, или еще того хуже – вдруг парашют возьмет и не раскроется?! Говорят, мол, и такое в десантных войсках бывает. Но все обошлось, вернулся ее повзрослевший Вовка живым и здоровым, а на осторожные расспросы матери о дедовщине махнул рукой и коротко заявил: «Да ерунда, мам, газетные страшилки! У нас нормально все было, порядок…»

После армии помыкался, помыкался, попробовал платную секцию для пацанов организовать, чтобы и деньга в дом шла, и пацаны не по подъездам наркоту да водяру жрали, а делом занимались – не срослось, сожрали чиновники его мелкий бизнес. Потом чуть срок не схлопотал, когда в день ВДВ, 2 августа, маленько с московскими омоновцами сцепился, да и помял парочку «краповых». Тогда, спасибо, бывший сослуживец по роте отмазал, а то еще неизвестно, чем бы дело закончилось – у нас ведь простому пацану на зону из-за какой-нибудь ерунды загреметь не просто, а очень просто! Это настоящих уродов и бандитов «расейская Фемида»

сегодня трепетно бережет и охраняет… Тогда же и со своим бывшим ротным встретился, со старлеем Комаровым, – вот он-то и сосватал Вовку Локиса по прозвищу Медведь в отряд мобильного спецназа парашютистов, созданный на контрактной основе…

Уже через годок новой службы Локис мог, подобно незабвенному товарищу Сухову, смело заявить: «Ох и помотало, брат, меня! От Таджикистана аж до самого Гондураса!» Но Медведь помалкивал, поскольку зря трепать языком ради дешевых понтов не любил, да и простенькая, но очень серьезная бумажка с подпиской о сов. секретности болтливости отнюдь не добавляла…

…Через пару дней Владимир неожиданно открыл для себя любопытную истину: оказывается, отдыхать на черноморском бережочке – это довольно-таки скучноватый и нелегкий труд! Ну море, ну солнце – красота, конечно, и полное южное великолепие, но все же шумновато, жарковато да и… скучновато. Все эти «бананы» на веревке, водные мотоциклы и прочая дребедень – это больше для детишек. Или еще вот парашют-крыло, что как воздушного змея за катером тянут, а тетки да пузатые мужики визжат от восторга. Вовка при виде такого издевательства только недоуменно пожал плечами: ему и настоящих парашютов на службе хватает выше темечка. Что там еще остается? Тупо винище литрами жрать да шашлыки хавать? Шашлык вещь, конечно, стоящая, но радостно пропивать собственное здоровье и мозги – уволь-

те, ребята! После такого отдыха и месяца мало будет, чтобы себя в порядок привести. Остается вроде бы одно: за бабами и девчонками ухлестывать – вот тут уж работы для озабоченного мэна непочатый край! Но тоже как-то не особо и тянет. Старые, бросающие на крепкого молодого парня жадные заинтересованные взгляды, и даром не нужны, а молодые… У тех в каждом наглом глазу по вопросу: «А чего и сколько ты мне можешь дать? Я девушка дорогая!» Нет, деньги у Владимира, конечно, были, и жмотом он никогда не был, но… как-то противна вся эта курортная выставка-распродажа! Впрочем, еще не вечер, может быть, и нормальная девчонка на пути попадется…

А пока… На экскурсию сходить, что ли? Времени до ужина предостаточно, а путеводители кричат, что здесь есть крепость старинная – бывшая торговая фактория Генуэзской республики. «Ну что же, – решил Медведь-Локис, – «будем посмотреть достопримечательностей», хотя все они в принципе одинаковые: на фотках красота и прелесть, а в жизни – серость и запущенность…

… – Господа, только что мы с вами осмотрели выставку орудий пыток. А теперь обратите внимание вот на этот желоб… – Миловидная девушка-экскурсовод, очевидно из местных студенток, подрабатывающих в сезон, довольно бойко тараторила заученный текст исторического путеводителя по крепости, в действительности оказавшейся скучной, пыльной и совсем не впечатляющей грудой старых обшар-

панных камней. – Именно здесь когда-то стояла плаха, на которой каждое воскресенье палач отрубал головы приговоренным к смерти преступникам! Головы по желобу скатывались в корзину, а благочестивые девушки спешили намочить в свежей, дымящейся крови свои платочки – считалось, что кровь казненных помогает отвести любую порчу…

Разомлевшая от жары группа туристов всех возрастов, пола и вероисповеданий туповато и без особого интереса «смотрела направо, смотрела налево» и, отчаянно сражаясь с жарой и скукой, пыталась усвоить хоть что-то из того потока бодрой болтовни, что старательно навешивала им на уши девушка. Локис, внимательно выслушавший рассказ про страшные пытки и спасающую от любой порчи кровь, мысленно усмехнулся и подумал: «Ох, солнце мое, что бы ты знала про страшные пытки и кровь? Да видела ли ты ее вообще когда? Не чистенький розовый пальчик, чуток порезанный, а когда она, действительно страшная, алая, хлещет из разорванной осколком артерии…»

– Девушка, извините, – неожиданно прервал экскурсовода высокий светловолосый мужчина явно столичного вида в неброском, но очень недешевом «прикиде»: и шмотки, и мягкие кожаные туфли, и часики за несколько штук баксов говорили человеку понимающему, что мужичок явно не на заводе у станка за три рубля уродуется. – А чем, собственно, головы-то рубили?

– В каком смысле? – девушка прервала свою заученную

тарабарщину и, растерянно хлопая ресничками, посмотрела на солидного мужчину, чуть насмешливо щурившего свои до неприличия красивые серо-голубые глаза.

– В прямом, – галантно наклонил голову мужчина и уточнил: – Головы рубили топором, мечом, кривым турецким ятаганом? Или гильотиной отчекрыживали?

– Ну-у… – девушка неуверенно пожала плечами. – Топором, наверное… В моей методичке про это нет.

– Жаль, – белозубо улыбнулся мужчина. – Вот всегда так: про самое интересное и нет!

Локис еще раз оценивающе посмотрел на мужчину: ежу понятно, грамотей столичный, ведь явно забавляется и над девчонкой издевается! Что, не видит, что у той уже глаза вот-вот слезами нальются? Неожиданно для себя Владимир цыкнул зубом и, на блатной манер растягивая слова, обратился к настырному мужичку, которого мысленно окрестил «Мэном»:

– Мужик, а тебе не все равно? Че ты к девчонке прицепился? У нее и так уже, наверное, пятая экскурсия, а если в каждой вот такой… чудила ей начнет мозги полоскать… Ты что, историк офигенный?!

В сонных глазах туристов плеснулся интерес, и толпа слегка оживилась – кажется, намечался скандал, а то и небольшая драка. А драка в любом случае вещь гораздо более занимательная, чем занудливые россказни экскурсоводов. Если не тебя бьют, конечно…

– Не то чтобы «офигенный», но некоторое отношение к милой и загадочной девушке Клио я имею, молодой человек. – Мужчина смотрел уже не насмешливо, а вполне серьезно и даже настороженно, но без боязни. – Возможно, вы и правы, я был несколько легкомысленно бестактен по отношению к юной леди, и я готов принести ей самые искренние извинения. А вот вам, юноша, я бы настоятельно посоветовал не «тыкать» незнакомым мужчинам, поскольку иногда это может иметь совершенно непредсказуемые для вас последствия…

– Это, типа, на дуэль вызовешь, да?

– Ну, это было бы уж слишком вычурно и сложно, – нехорошо усмехнулся мужчина. – Просто в морду дам, и все дела…

– Ты – мне? – с радостной улыбкой уточнил Медведь.

– Я – вам, дурно воспитанный юноша, – кивнул мужчина.

– Тогда так! – деловито предложил Локис. – Вечерком, в девять, на пляже, ну, там, где пирс длинный… Вызываю вас на дуэль! Один на один, без шпаг и пистолетов – голыми руками. Идет?

– В девять так в девять… Только прошу не опаздывать! Сторона, опоздавшая больше чем на пять минут, автоматически причисляется к тру́сам, и ей засчитывается техническое поражение! О'кей?

– Заметано! – многообещающе стукнул кулаком в раскрытую ладонь Медведь. – Кстати, а кого поминать в своих мо-

литвах, если вы не явитесь на поединок, милорд?

– Виктор Сергеевич Соболев. Вот моя визитка. Арриведерчи, юноша, до вечера…

Соболев, не обращая внимания на легкий вздох разочарования, прошелестевший в толпе туристов, круто развернулся и отбыл в сторону спуска, ведущего к городку, раскинувшемуся чуть ниже на берегу обширной морской бухты. Локис посмотрел на красиво и лаконично оформленную визитную карточку: «Доктор исторических наук, эксперт-криптолог». Так, адрес и телефоны, еще какая-то фигня… Ну, естественно, Москва! Криптолог… Это вроде бы спец по древним манускриптам-рукописям, что-то наподобие дешифровальщика. Интересный мужичок. Мэн. Похоже, и не трус. А жизнь-то, господа, становится интереснее, оживляется, а?! Не успел д'Артаньян припереться в Париж, а уже нарвался на дуэль… Незнакомец из Менга! В девять, милорд? Как вашей милости будет угодно, кабальеро! Ладно, поглядим, какой это Сухов…

2

Та-ак, попрыгали, товарищи разведчики… Ничего не звякает, не болтается и не мешает. Локис подбросил на ладони связку ключей и посмотрел на часы: без пятнадцати девять, в самый раз отправляться на веселое свидание с незнакомцем из Менга. Опаздывать для джентльмена неприлично, хотя и русские мы люди, и опоздать на час-другой для нас – обычное дело. Матери позвонил, расписал, как здорово здесь отдыхается, и теперь, как Пятачок, до ближайшей пятницы совершенно свободен! Установка, товарищ спецназовец, проста: господина Соболева чуток потрепать, но не калечить. Мужик вроде ничего, и ни за что ни про что отечественную науку обижать не стоит, а то и так ученые мужи за бугор валом валят…

Небо из бледно-голубого помаленьку превращалось в серо-жемчужное, солнце, за долгий день, естественно, утомившееся, клонилось к горизонту, окрашивая даль в туманно-дымчатые оттенки красно-оранжевого. Прибой размеренно накатывал на берег длинными пенистыми волнами – спокойное море, как и водится теплым летним вечером, конечно же, «мерно дышало», а легкий ветерок, вкусно пахнущий йодом, солью и крымскими соснами, естественно, «приятно освежал». Шум прибоя смешивался со звучавшей из десятка мест самой разнообразной музыкой, и, честно го-

воря, жить вообще-то было хорошо!

«И упасть опаленным… звездой по имени Солнце…» Локис, вполголоса бубнивший старую песенку Цоя, неторопливо двигался по одному из бесчисленных переулочков, которые здесь, как и в старой доброй Италии, все вели в Рим, то бишь к морю, и вдруг насторожился, прислушиваясь к подозрительным звукам – та-ак, похоже, кого-то уже бьют… Чуть впереди в полусумраке, под прикрытием каких-то южных развесистых кустов двое явно метелили третьего… «Оба-на! Да это ж моего Паниковского бьют! Ай да Сергеич! Пострел всюду поспел, д'Артаньян в один день умудрился повздорить с Атосом, Портосом и Арамисом сразу… А ничего отмахивается Сергеич, резкий парень! Только вот чего-то в вашей потасовке не хватает…»

Владимир уже приготовился сказать что-нибудь насмешливое вроде: «Э, мужики, не так резво, мне маленько оставьте!» – но тут же чутьем опытного рукопашника понял, чего не хватало в развернувшейся в этом узком переулочке драке. Нападавшие дрались молча! Только яростно сопели и хакали при каждом ударе. Ну а какая же русская пьяная драка без мата и прочего, типа: «Ах ты, падла такая-сякая!» Тут Локис увидел в руке одного из нападавших длинный узкий клинок и понял, что профессора пора спасать, потому что, похоже, убивают его всерьез…

То, что нападавшие были бойцами опытными и трезвыми, Локис сразу понял по тому, как боец с ножом, казалось бы,

поглощенный дракой и ничего вокруг не видевший и не слышавший, вдруг мгновенно развернулся, в долю секунды оценил обстановку и новое действующее лицо и без всяких «ты че, мужик?» кинулся к нему, делая длинный выпад с явным намерением проткнуть неожиданного свидетеля узким сверкающим лезвием. «Э-э нет, парень, таким приемом заколоть меня непросто!» Медведь скользящим шагом метнулся навстречу руке с ножом, одновременно уходя влево и разворачиваясь к нападавшему боком. Правая рука мягким блоком отвела нож вправо и вниз, а левый локоть четко отработанным движением врезался нападавшему в лицо, с противным хрустом сминая переносицу. В следующее мгновение левая рука резко распрямилась и ушла вниз, нанося добивающий удар в пах. Все, этот готов…

Второй, увидев, как непринужденно уложили на серый асфальт его напарника, по-волчьи оскалился и, бросая уже порядком измочаленного доктора наук, кинулся на непонятно откуда взявшегося парня. Этот был бойцом явно покруче первого. Но не намного. И прапорщик Витя Паршиков его рукопашному бою наверняка не учил, иначе дядя знал бы, что в реальном бою красиво и высоко ноги закидывать не стоит – это вам не на танцах перед девками красоваться! Хотя, честно сказать, удар у мужика был поставлен неплохо, и проводил он его красиво… Этого Локис сбил подсечкой, круговым махом ноги, почти так же, как машут в плясовой казаки – некогда драчуны верткие и умелые. И падал мужик

хорошо, и страховался умеючи, но все же чуток ловкости не хватило – приложился-таки головушкой об асфальт.

Враг, понятное дело, и бить его надо жестко, но все же на какое-то мгновение Медведь даже дядьке посочувствовал – звук удара был нехороший, с глухим треском… Локис на секунду-другую настороженно застыл в стойке, оглядывая поверженных противников – хуже нет оставить за спиной недобитого и получить клинок под ребра; но нет, оба лежали тихо и улеглись, похоже, надолго. Та-ак, что у нас с Сергеичем?

– Ну, как ты, доктор наук? – Владимир сразу отметил, что левый рукав легкого пиджака у Соболева в крови и выглядит тот, мягко говоря, неважно. – Я смотрю, тебя ни на минуту оставить одного нельзя – все тебя убивать начинают… Дай-ка руку посмотрю… Фигня, страшного ничего, но шить надо. Вот тут платком хорошенько прижми… Где тут травмпункт есть, знаешь? Ну, пойдем потихоньку, Ноздрев ты наш, «исторический человек»…

«Ну точно – историк, исторический человек Ноздрев, вечно в какие-то сомнительные истории попадает», – мысленно усмехнулся Локис, намереваясь как можно быстрее покинуть место схватки – им еще только объяснений с местными ментами не хватало! – и тут же резко остановился, озадаченный неясной догадкой, мелькнувшей в мозгу.

– Погоди-ка, Сергеич… – Владимир развернулся и быстро подошел к одному из поверженных неведомых драчунов, пока не подававших никаких признаков жизни. Наклонился

и, задирая короткий рукав черной майки с какой-то аляповатой картинкой, присмотрелся, уже почти догадываясь, что он увидит на коже неизвестного. Вот она, родимая! На мускулистом плече уже начинавшего слабо постанывать бойца красовалась татуировка десантника из Иностранного легиона…

Специализированной «травмы» поблизости, конечно же, не нашлось – для небольшого городка это было бы излишней роскошью, а вот простенький дежурный медпункт рядышком с местной больницей Локис с Соболевым нашли довольно быстро.

Флегматичная фельдшерица лет под пятьдесят привычно-равнодушным взглядом скользнула по окровавленному рукаву посетителя и, не делая ни малейших попыток приподняться над стулом и прервать свое важнейшее занятие, заключавшееся в обстоятельном вечернем чаепитии, лениво буркнула: «Це де ж його поризалы так? В мыльцию треба звоныты…» Локис тяжело вздохнул, предчувствуя, что тетка вполне может оказаться законопослушной занудой еще старой советской закалки, и тогда у них с московским доктором наук вполне могут быть нежелательные проблемы. Нет, бандиты, конечно, живы и почти здоровы, но протоколы, разбирательства и прочая нервотрепка – оно надо людям, мирно отдыхающим у ласкового синего моря?

Пока Владимир прикидывал, как поделикатнее подъехать к тетке, в дело вступил Соболев. Посверкивая обаятельней-

шей и понимающей улыбкой, Виктор Сергеевич мягко пояснил даме в белом халате, что ничего страшного не случилось, произошла самая банальная стычка с неведомыми хулиганами, которые намеревались его ограбить и немножко задели ножом, но, увидев кровь, сами испугались и убежали… И стоит ли беспокоить наверняка очень занятых доблестных работников правопорядка такой ерундой? Свои слова, почему-то живо напомнившие Медведю завораживающие заклинания индийских факиров, которые любят забавляться с опасными кобрами, Соболев подкрепил ненавязчиво подсунутой под руку тетке серо-зеленой купюрой с небольшой цифиркой «20». Фельдшерица на мгновение замерла, словно та самая кобра в стойке, затем сделала неприметное движение пухлой ладошкой, и купюра словно растаяла в воздухе, а Владимир снова подумал о факирах, у которых цветы и прочие вещицы как появляются ниоткуда, буквально из воздуха, так и пропадают бесследно там же…

Растворив в воздухе «двадцатку», тетка устало вздохнула и, ворча под нос что-то про паспорта и полисы, быстренько и сноровисто вкатила московскому гостю пять кубиков обезболивающего и противостолбнячный укол, умело, со знанием дела, обработала рану, наложила пяток швов, стерильную повязку и прикрыла порез пластырем. Вполне возможно, подумалось Локису, что тетка изучала основы военно-полевой хирургии где-нибудь в Афгане, хотя, может быть, и здесь к ней каждый день попадают битые, резаные и стреляные – на

курортах тоже всякое бывает…

3

На улицу Соболев со своим спасителем вышел, когда над городком уже сгущалась по-южному густая тьма. Доктор, явно испытывая некоторую неловкость перед парнем, которого вроде бы и врагом считать уже было нельзя, но и в друзья как-то рановато записывать, осторожно пошевелил раненой рукой и нерешительно предложил:

– Ну что, неведомый друг, может, по коньячку? Кстати, не кажется ли вам, милорд, что пора открыть ваше инкогнито? Кого мне поминать в благодарственных молитвах?

– А действительно, – усмехнулся Владимир, – ваше-то имя я уже выучил… Локис, Владимир. Олегович – но это не обязательно…

– Так как насчет коньячку, Владимир Олегович? Должен же я как-то…

– Почему нет? – пожал плечами Медведь. – Только вы мне ничего не должны!

– Ну да, «на вашем месте так поступил бы каждый нормальный пионер» – прекрасно помню из детства, – слегка улыбнулся Соболев. – Вот только те счастливые времена давно миновали, и сегодня вряд ли кто кинется защищать постороннего человека…

– Ну, вы-то для меня уже полдня как не посторонний… хм, в некотором роде. А кстати, куда мы идем-то?

– Для начала ко мне в гостиницу – надо же мне немного в порядок себя привести, – Соболев окинул взглядом свои брюки, кое-где забрызганные бурыми пятнами, подбросил на ладони мятый ком испорченного пиджака и брезгливо поморщился: – Куда бы его деть…

– Да вон в урну засуньте! Только визиток в карманах не оставляйте…

– Спасибо за совет, – кивнул криптолог, проверяя карманы. – Так, от страшной улики мы избавились… А вот и моя гостиница «типа готель»! Я быстренько к себе сбегаю, а вы, юноша, пока в баре меня подождете, идет? И ни в чем там себе не отказывайте… Я мигом!

Минут десять Локис просидел на высоком табурете у барной стойки, помаленьку потягивая коньяк, оказавшийся в этой забегаловке на удивление приличным, хотя Владимир спиртным и не очень-то увлекался, и настоящим знатоком считать себя никак не мог. Бармен, совсем молоденький паренек, обслуживал посетителей быстро и ловко, не забывая пижонисто поигрывать шейкером и почти виртуозно подбрасывать и ловить разнокалиберные бутылки с напитками, изо всех сил изображая бывалого столичного бармена. Не успел Локис ополовинить первый бокал, как увидел спускавшегося по лестнице московского доктора наук, заметно посвежевшего и вновь обретшего недавнюю уверенность в себе.

– Армянский? – одобрительно кивнул Соболев, присаживаясь рядом и закуривая длинную, отнюдь не дешевую си-

гарету с белым фильтром. – Решение верное – старик Черчилль был далеко не дураком и толк в выпивке знал. Только что мы тут будем как куры на жердочке, а? Идемте вон туда, за маленький уютный столик, – там и поговорим… Милейший, пусть нам подадут бутылочку коньячку и что-нибудь подобающее на закуску – на ваше усмотрение…

– Итак, мой юный друг, – Соболев пригубил коньяк глубокого чайного цвета, прислушался к ощущениям, вновь одобрительно кивнул и бросил в рот орешек, – не пора ли нам познакомиться немного поближе? Кто вы, добрый самаритянин, и почему бросились на выручку к почти незнакомому человеку, да еще и почти недругу, а? Если бы вы были комсомольцем и на дворе стояли благословенные семидесятые прошлого века, у меня бы и вопроса такого не возникло, но сейчас, когда человек человеку – волк… Итак?

– А черт его знает, – непринужденно пожал плечами Локис. – Может быть, осерчал, что вместо меня вас бил кто-то посторонний… Как ревел в детской книжке Шер-Хан: «Это моя добыча!»

– Не курите, почти не пьете, книжки вон читаете… Кто же вы, средоточие добродетелей, а? Или это ужасная тайна? Спортсмен, нет?

– Почти угадали, – улыбнулся Медведь, – некое отношение к спортивным делам я имею… А если серьезно, то сейчас я простой российский сержант в отпуске. И никакой тайны тут нет. А вот с вами, похоже, все чуточку по-другому…

– Да нет, Владимир, тоже все до банальности просто! Живу и работаю в Москве, преподаю студентам, а сюда приехал вслед за одной милой и замечательной девушкой. Моя аспирантка – ну, знаете, как это бывает… Она здесь с археологической экспедицией от их курса. Вот и я решил на недельку вырваться из душной столицы с ее пробками и прочими проблемами…

– Понятно, чего там – нормально все. – Локис улыбнулся краешком губ и спросил: – А вообще-то чем вы занимаетесь, а? А то «криптолог» – слишком уж расплывчато и туманно…

– Можно назвать меня историком, но вообще-то специализация у меня довольно-таки редкая: я специалист по древним манускриптам и тайнописи. Иногда моими услугами пользуются историки, библиографы, коллекционеры и букинисты. И по большому секрету, – шутливо понизил голос Виктор Сергеевич, – могу сказать, что и спецслужбы порой просят прочесть старинный рецептик страшного яда…

– Понятно, письма фараонов и прочих дохлых злодеев читаете… Не скучно?

– Насчет фараонов – мимо! Я предпочитаю Средневековье… И, знаете ли, нет, не скучно! И у нас бывают порой прямо-таки настоящие приключения. – Соболев нахмурился и покосился на раненую руку – повязка вновь была скрыта рукавом уже другого легкого пиджака.

– Кстати, о приключениях… – Владимир задумчиво покрутил на столе бокал с остатками коньяка и вскинул взгляд

на собеседника: – Вы где так лихо драться научились?

– Ну, не так уж и лихо, – отмахнулся криптолог. – Еще в юности почти серьезно карате занимались с друзьями – тогда это было модно и круто, как сейчас говорят.

– А вы не хотите мне рассказать, с чего это вдруг на вас напали эти отморозки? И кто они?

– Понятия не имею! – коротко и как-то слишком уж поспешно ответил Соболев. Показалось Локису или все-таки мелькнуло в глазах московского доктора наук что-то такое… мгновенная настороженность, колючесть… словно створки раковины – хлоп, и все!

– Ну что же… Виктор Сергеевич, пора и честь знать! – Владимир поднялся из-за стола и протянул доктору ладонь на прощание: – Рад был… и все такое. Спасибо за коньяк!

– Вам, Володя, спасибо, – рукопожатие доктора было крепким и дружеским, а ладонь – сухой, с длинными пальцами и аристократически ухоженной. – Если надобность какая – милости прошу, я в двести пятнадцатом…

– Хорошо. Да, Виктор Сергеевич, – словно вспомнив о чем-то очень важном, стукнул себя по лбу пальцами Локис, – а ваша аспирантка – она француженка?

– С чего вы взяли, Володя? – даже несколько растерялся Соболев и тут же улыбнулся: – Нет, самая что ни на есть обычная москвичка. Не совсем обычная, конечно, но все же… Так что это вы вдруг про француженок?

– Возможно, вы и не в курсе, – довольно сухо сказал Вла-

димир, – но напала на вас не местная пьяная шелупонь, а серьезные ребята, и связаны они каким-то образом с французским Иностранным легионом. Драться вы, конечно, немного умеете, но на этот раз вам, скорее всего, просто повезло. В следующий раз такой удачи может и не быть. Это все, конечно, ваши дела, но все же… По-прежнему ничего не хотите мне рассказать? Возможно, я мог бы в чем-то помочь…

Локис мог бы поклясться, что видел, как по лицу Соболева мимолетными призрачными тенями проскользнули нерешительность, сомнения, колебания, но в итоге криптолог все же широко улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Нет, Володя, ей-богу, все в порядке. Все это – случайность, не более!

– Вам, конечно, виднее, – не стал спорить Медведь. – Ну, а я пойду, пожалуй…

Распрощались несколько холодно, но отчего-то Владимир был уверен, что эта встреча с человеком из Менга, читающим средневековые манускрипты, еще далеко не последняя…

Южная ночь, наполненная звуками музыки, слышавшейся отовсюду пополам с веселыми криками и смехом, была хороша. Луна, еще недавно, при своем появлении, выглядевшая страшновато-багровой, поднялась повыше и стала нежно-призрачной, обычной и расстилала по зыбкой морской поверхности легкую серебристую дорожку. Задумчиво шумел прибой, и ошалело распевали свои трескучие песни

невидимые цикады – судя по громкости, невероятных размеров. Как говаривал классик: «Ночь благоприятствовала любви». Но, возвращаясь домой, Локис, по непонятной иронии судьбы, размышлял не о любви, а о ее черноволосой сестре – о ненависти. Из головы не выходил московский доктор наук…

Так, Соболев любит свою аспирантку и приехал к ней. Она роется со своими археологами в местной пыли где-то там, в крепости, и пытается отыскать древние черепки от разбитых пьяными греками кувшинов – это тоже понятно. Непонятно только, почему наемники-легионеры, вместо того чтобы гонять темненьких где-нибудь в Африке или в Афгане вместе с американкашками, встревают в драку с московским ученым с редкой специализацией? Любить они его никак не обязаны, но ненавидят-то за что? За что на нож хотели поставить, а? Что там говорил смуглому ариец тогда в летнем кафе… «Не убивать и не калечить, только припугнуть! Пусть знает, что детские игры закончились…» – что-то вроде этого. Не убивать, значит… Уже легче, но что они задумают завтра? И, главное, что за игры все они тут ведут? Контрабанда? Хм, чего?! Старые кирпичи в Турцию гонят, что ли… Смех на тонкой палочке! Но тогда что?..

Поглощенный своими мыслями, Медведь не очень-то внимательно посматривал по сторонам, иначе вполне мог бы заметить, что еще при выходе из гостиницы его несколько раз щелкнули фотоаппаратом с длиннофокусным объек-

тивом, а затем какое-то время за ним на солидном отдалении неприметно следовал невысокий жилистый мужичок не то кавказской, не то какой другой смугло-чернявой национальности. Правда, объект свой жилистый топтун довольно быстро потерял: Локис чисто машинально, по уже въевшейся в кровь привычке диверсанта никому не открывать своего лежбища, сделал пару петель и скидок и только после этого незаметно шмыгнул в неприметную калитку на заднем дворе частного дома, в котором спецназовец-отпускник снял себе крохотную комнатку…

4

В паре сотен метров от нескольких квадратных и прямоугольных ям различной глубины, расположившихся в некоем подобии шахматного порядка и представлявших раскопы археологической экспедиции, работавшей на территории старой Генуэзской крепости, стоял небольшой жилой трейлер. Ближе к раскопам домик поставить не удалось, поскольку специально протягивать туда линию электропередачи и водопровод было дорого и нерационально, а уж кто-кто, а немцы пфенниги считать умеют, как бы они ни назывались после перехода Германии на единую европейскую валюту. Хозяин трейлера, являвшийся на сегодня начальником вновь сформированной археологической экспедиции, еще как-то готов был ради дела терпеть крымскую жару и пыль, но жить в этой дыре без электричества и без душа – это уж слишком!

Высокий светловолосый мужчина сидел за крохотным столиком и внимательно изучал новые послания, которые высвечивались на мониторе его ноутбука. Так, вот и босс проявился: «Льва ни в коем случае не трогать до моего приезда! За сохранность отвечаете головой! Ахмед…» Светловолосый нехорошо прищурился и пренебрежительно хмыкнул, закрывая программу электронной почты. «Сколько пафоса! И как они все быстро осваивают мерзкую манеру иг-

рать в очень больших боссов… Дешевка турецкая. Не доверяет. Ну, если честно, то я на его месте делал бы то же самое. В серьезной игре полностью довериться исполнителям – несусветная глупость! Тем более если куш светит приличный…»

– Так что будем делать дальше, шеф? – прервал размышления немца смуглолицый крепыш, вольготно развалившийся на узеньком диванчике, приткнувшемся у металлической стены трейлера. – Что он вам пишет?

– Пишет, что скоро нагрянет в гости, – недовольно дернул щекой светловолосый, – и будет лично контролировать дальнейшие работы… Но это уже забота не твоя, мой дорогой Жак! Что у тебя с русским историком?

– Хайнц, – смуглый посерьезнел лицом и очень внимательно посмотрел на немца, – а ты точно знаешь, что он историк, доктор наук и прочее?

– Что за вопрос? Конечно, точно! Он – ученый почти с мировым именем и в определенных кругах считается очень хорошим специалистом.

– Ну, какой он там спец, не мне судить, а вот дерется наш профессор очень даже неплохо – уж я в этом толк знаю, поверь старому волку! И этот парнишка мне покоя не дает. Кто такой, откуда взялся? И почему так вовремя оказался рядом с нашим историком?

– Говоришь, он шутя положил твоих головорезов? – недоверчиво хмыкнул немец.

– Вот именно! – На лице Жака появилась неприкрытая злоба. – Мои ребята умеют не только виски жрать и шлюх щупать, уж поверь мне! Они такую школу прошли и в таких переделках бывали, что… А этот щенок раскидал их как тряпичные куклы! Вопрос: а так ли уж все просто на самом деле, как ты мне расписывал, а? «Чахленький профессор, его глуповатая девка, все схвачено, никаких проблем…»

– А если все это не более чем случайность?

– Случайно можно на банановой кожуре поскользнуться, да и то только когда эту кожуру бросила под ноги какая-то сволочь… Случайность… А ты знаешь, что этот мальчишка после встречи с нашим историком некоторое время пил с ним в баре отеля, а потом ушел? И ушел не просто так, а очень даже профессионально оторвался от наблюдения – я отправил на всякий случай одного из своих парней проследить, где он остановился…

– К чему ты клонишь, Жак?

– А к тому, что ваш «простой историк», скорее всего, находится под наблюдением и охраной русских спецслужб! А я и мои ребята со спецслужбами стараемся не ссориться…

– Кстати, Жак, – немец задумчиво улыбнулся, – а как твое настоящее имя, а? И кто ты по национальности – француз, испанец, а может, хорват?

– Я – Жак Ренье, француз, ты видел мой паспорт, – холодно ответил смуглый. – Зачем тебе знать лишнее? Национальность у меня и у моих ребят одна – легионер. И Родина

наша там, где больше платят. Сегодня платишь ты… Что делать будем дальше, шеф?

– Ждать, – коротко пожал плечами немец. – Ахмед-оглы приедет и решит…

– Ясно… А если наш русский историк на рожон полезет? Может, проще поступим: возьмем его девку и объясним ему, чтобы сидел тихо и не высовывался из травы?

– Жак, – нажал голосом хозяин трейлера, – мы будем ждать турка! Все, свободен…

– И последнее, шеф… – Наемник встал, пригибаясь под невысоким потолком и небрежным жестом кинул на столик несколько фотографий. – Вот, полюбуйтесь! Именно этот парень положил двух моих не самых дрянных бойцов…

– Погоди-ка… Сейчас, сейчас… Где же я его видел, черт побери, а?

– В летнем кафе, шеф. Вы давали ему прикурить от вашей зажигалки… Как вы думаете, он тоже случайно оказался за соседним с нами столиком? – ядовито усмехнулся легионер, со злорадным удовольствием наблюдая, как на лице шефа сначала появилось нечто вроде легкой растерянности, а секундой позже растерянность сменилась тяжкой задумчивостью…

«Как все-таки предсказуемы все эти законопослушные европейцы! – мысленно рассмеялся наемник. – Все пытаются совместить несовместимые вещи: закон, порядок, порядочность, с одной стороны, и большие деньги от не совсем за-

конного бизнеса – с другой. Бред собачий! Вон кто-то из старинных… Маркс этот, что ли… правильно сказал, что все богатые – это бандиты, воры и жулики! И что бы ты там ни говорил, герр Хайнц Шталле, а пареньком я займусь лично! Не столь уж и важно, за кого он играет, важно, что этот ублюдок уже сыграл против моих парней, а легионера – пусть даже и бывшего – никто не может ударить безнаказанно…»

Жак легко спрыгнул с верхней ступеньки металлической лесенки, приставленной к входной двери в трейлер, и прогулочным шагом направился в сторону ям-раскопов, в которых без особого энтузиазма ковырялись в песке и глине какие-то вечно пьяненькие или трясущиеся с похмелья оборванцы из местных – ни дать ни взять натуральные клошары, которых на улицах Парижа как котов недавленых. Если именно это и называют археологией, подумалось легионеру, то рыть могилы на кладбище гораздо интереснее и выгоднее. Вот говорят, некоторые занимаются подводной археологией – ищут затонувшие галеоны с золотом, которое испанцы вывозили из американских колоний – вот это да, это дело! А тут… Черт бы побрал и этих оборванцев, и Хайнца вместе с его турком! Ну что тут можно отыскать стоящего, в этой сухой бесплодной земле? На ней даже трава нормальная не растет! И все же что-то они ищут!.. Жак неожиданно приостановился, осененный любопытной догадкой. А почему бы и нет? Еще через минуту легионер решительно направился в городок – догадку стоило без лишних проволочек

проверить…

В одном из многочисленных кафе, наполненном сумраком и прохладой, Жак нашел именно то, что искал: несколько мерцающих мониторов и плотно сидящих перед ними мальчишек с азартно горящими глазами, ведущих нескончаемую войну с какими-то мерзкими монстрами, инопланетянами и прочими тварями. За парочкой компьютеров тупо-сосредоточенно восседали и двое взрослых – не то по делам что-то разыскивали, не то по порносайтам шарились. Легионер сунул бармену несколько местных бумажек, хлопнул стопку виски и уже через минуту-другую набирал в поисковом окошке «Марко Поло» – именно про этого мужика все время талдычили что-то немец с турком…

Так, так… Ого, да этот проходимец помер еще семьсот лет назад! Ага, а парень вообще-то был легок на подъем: в те времена из Европы добрался аж до самого Китая и Индии… Так, есть! Папашка и дядя этого авантюриста и враля имели здесь, в Судаке, торговый дом… Тут Жак прочел нечто такое, что по спине жаркой волной пробежало неясное ощущение близкой невероятной удачи и тут же захотелось хлопнуть еще пару стопок виски с целой горой льда! Черт побери, неужели Фортуна, эта развеселая вертихвостка, решила наконец-то повернуться личиком к нему, к Жаку Ренье, жалкому неудачнику, которого даже из Иностранного легиона выперли с позором?! Неужели все так просто? А почему бы, собственно, и нет? А что же еще могло преспокой-

но пролежать в земле семьсот лет и не протухнуть? Наемник закрыл программу и вновь направился к стойке, где заказал сразу тройной виски и принялся прихлебывать напиток, время от времени растягивая узкие губы в довольной усмешке. Теперь он почти наверняка знал, что́ с таким азартом пытаются отыскать этот чумазый турок Ахмед-оглы и его верный немецкий пес Хайни…

5

– И что местные власти? – Соболев неторопливо отпил глоток светлого вина из объемистого бокала и, щелкнув блеснувшей золотом зажигалкой, со вкусом закурил. Выпустил в сторону струйку душистого дыма и чуть насмешливо наклонил голову, откровенно любуясь сидевшей напротив стройной темноволосой девушкой в легком сарафанчике, открывавшем загоревшие до нежно-шоколадного оттенка полноватые плечи.

– Сволочи они, вот что! – воинственно блеснула темными глазами девушка и сердито дернула округлым плечиком. – И эти… коррупционеры, вот! Ух, я бы и их всех, и этого турка самодовольного… Тоже мне, эмир бухарский нашелся!

– Нет, Даша, так дело не пойдет, солнце мое, – покачал головой Виктор Сергеевич. – Мы с тобой хотим разобраться в сложившейся ситуации, так? Так! Тогда давай-ка с чувством, с толком, с расстановкой – с самого начала, когда ваша кафедра решила послать нашим украинским братьям из «дэржавной» Академии наук и крымским властям заявку на проведение раскопок в Судаке, на территории старой крепости… Так было дело?

Даша согласно кивнула и поведала Соболеву всю историю с самого начала. Еще весной были проведены все переговоры и согласования с украинской стороной и получено добро

на проведение раскопок в Судаке, на территории Генуэзской крепости. Экспедицию московских археологов, к которой примкнула и аспирантка Дарья Оленева, в первую очередь интересовали поиски вещественных подтверждений пребывания в Судаке Николо, Маттео и Марко Поло – трех братьев-торговцев, имевших в далеком XIII веке торговую факторию в крымском городке. Никто и никогда про братцев, пожалуй, и не вспомнил бы, если б примерно в 1254 году у Николо не родился сын, которому было дано имя одного из братьев и которого весь мир впоследствии назвал «великим путешественником Марко Поло»…

Поначалу все складывалось просто замечательно: лето, Крым, море, солнце и интересная работа. На отведенной для какого-то строительства обширной площадке археологам разрешили производить раскопки, и уже через пару недель историкам удалось обнаружить скромную свинцовую пломбочку – одну из тех фирменных блямбочек, которые купцы в незапамятные времена подвешивали на свои тюки с товарами. Вроде бы и ничего особенного, но на пломбе вполне отчетливо читалась надпись, которую можно было перевести примерно так: «Торговый дом братьев Поло». Таким образом, версия о пребывании семейства легендарного путешественника в крымском Судаке получила блестящее подтверждение, а экспедиция продолжила работу с еще большим воодушевлением…

– Пломбу обнаружила ты, – скорее утвердительно, чем во-

просительно сказал Соболев.

– Вот именно, – с нескрываемой гордостью подтвердила Даша, – и даже не одну, а целых пять! Правда, я лично нашла только первую…

– И что было дальше? – закуривая новую сигарету, поинтересовался криптолог.

– А дальше было форменное свинство, – заметно мрачнея, вздохнула девушка. – Мы ведь вели раскопки на собственные деньги, можно сказать. Рассчитывали, что после таких находок сможем заинтересовать кого-нибудь из западных спонсоров и получить грант на продолжение раскопок, но тут-то и произошла непонятная гадость. Местные власти без всяких объяснений взяли и отдали нашу площадку под какое-то строительство какому-то бизнесмену из Турции. И, конечно же, за взятку! С нас-то, нищих археологов, что возьмешь? А этот турок здесь отель отгрохает для приезжих туристов, да еще и денег местным чиновникам даст – всем хорошо! Кроме нас, дураков несчастных…

– И что, туркам разрешили строительство в уникальном историческом месте города, в самой крепости, без проведения археологических раскопок?! – удивленно вскинул брови Соболев и с сомнением добавил: – Насколько я знаю, даже в самых темных и коррумпированных африканских республиках чиновники себе такого не позволяют…

– Да нет, не совсем так… – Даша пригубила вино и грустно усмехнулась: – Турок пообещал им, что положенные

по закону предварительные раскопки обязательно проведет, но… Но сделают это наемные местные рабочие под руководством специально приглашенного немца-археолога. Кажется, Хайнц Шталле его зовут… Вот и все, собственно. Турок отхватил землю под строительство, неизвестный немец руководит местными пьянчужками, которые в археологии понимают еще меньше, чем я в сортах местных портвейнов, а мы… мы потеряли и возможность сорвать приличный грант, и весьма перспективную и интересную работу.

– Ну что ж, в принципе все ясно… – задумчиво пощелкивая крышечкой зажигалки, протянул Соболев. – Ничего в этой истории не было бы необычного, если бы не один крохотный нюансик…

– Это какой же? Турки?

– Да нет, не турки… Герр Хайнц Шталле. Лично я с ним, конечно, не знаком, но от коллег кое-что слышал. Дело свое он знает и услуги его стоят недешево, но репутация у герра нашего, мягко говоря, не самая лучшая. Пару раз его обвиняли в вульгарной краже артефактов с мест раскопок – правда, за руку никто ни разу не поймал. Так, слухи, туманные разговоры и намеки… Тут ведь вот еще что: на территории бывшей крепости можно сотню отелей построить, места достаточно, но турок выбрал именно ваш участок! Странно, не правда ли? Кроме того, я здесь всего лишь третий день, мы с тобой почти нигде вместе не появлялись, но тем не менее кое-кто в этом городке уже точно знает, что мы не просто

знакомы и что я приехал именно к тебе… Ты случайно не завела себе здесь пылкого и ужасно ревнивого мулата-воздыхателя, нет?

– Я на такие глупости даже обижаться не стану, Виктор Сергеевич, – фыркнула Даша, но бровки все же обиженно сдвинулись. – Кстати, с чего вдруг такие предположения?

– Да так… – неопределенно повел рукой Соболев. – Я ведь еще несколько дней назад даже и не предполагал, что приеду к тебе. Раньше времени выполнил приличный заказ, получил гонорар – дай, думаю, слетаю к любимой девушке, и мы проведем где-нибудь недельку в тихом уютном местечке… Ты на это как смотришь, кстати?

– Я, конечно, польщена и тронута, но пока отрицательно, – воинственно вскинула голову девушка. – Мы им раскоп просто так не отдадим! Мы еще… Да, ты про мулата что-то там…

– «Не отдадим»… понятно, – вздохнул Соболев. – А про ревнивого мулата… Просто я хотел сказать, что за нами, похоже, кто-то следит.

– Это еще зачем?!

– Возможно, затем, чтобы точно знать, где и как мы проводим время, и чтобы не допустить, чтобы мы и твои ребята вновь сунулись в раскоп… Олененок, а может и правда – ну его к лешему, этот городишко вместе с его развалинами и сказками о Марко Поло? Давай закатимся куда-нибудь в местечко поцивилизованнее и хорошенько кутнем, а?

– Нет, Витенька, я пока отсюда никуда не поеду!

– Тогда еще одна загадка, милая госпожа… – Соболев непроизвольно тронул рукой раненое плечо, посмотрел по сторонам и, понизив голос, сообщил: – Вчера вечером на меня напали двое каких-то отморозков, трезвых и очень сердитых. Еле отбился. Если уж совсем честно, то помог один крепкий паренек – кстати, тоже почти москвич…

– И ты думаешь, что это может быть связано с раскопками? – встревожилась Даша.

– Полагаю, наверняка. Вообще-то я сейчас больше думаю о другом: что такого невероятно важного и стоящего нашли или надеются найти наши немец с турком, если так спешно выперли вашу команду из раскопа и так недвусмысленно пытаются выдавить нас из города?

– И какие предположения? – В глазах девушки блеснули заинтересованность и азарт.

– Я не умею гадать на кофейной гуще, – после недолгого молчания изрек криптолог. – И я очень не люблю, когда на меня кто-то давит и пытается диктовать, что мне можно делать, а чего нельзя. Они пугают нас и не хотят допускать к месту раскопок? Отлично! Тогда мы просто пойдем и посмотрим сами, не спрашивая их монаршего позволения…

– Вот прямо сейчас вино допьем и пойдем? – шутливо переполошилась Даша.

– Нет, Олененок, чуть позже. Когда глупая луна заблещет на глупом небосводе…

Соболев одним глотком допил вино и, скользнув нарочито игривым и плотоядным взглядом по загорелым плечам и прикрытым легкой тканью нежным округлостям груди, уже собирался было поинтересоваться у Даши, а не желает ли дама немножко отдохнуть от жаркого солнца и нависшей над побережьем духоты в уютном сумраке прохладного номера в приличной гостинице, когда за спиной неожиданно раздалось очень вежливое: «Guten Tag!»…

– Здравствуйте, милая фройляйн! – К столику уверенно подошел высокий светловолосый мужчина и, непринужденно здороваясь с Дашей как со старой знакомой, не скрывая своего интереса, смотрел на ее спутника. – Вы позволите? Надеюсь, вы познакомите нас?

– Герр Шталле, знаменитый археолог, – чуть иронично повела рукой девушка и, кивая в сторону Соболева, добавила: – А это господин Соболев, ученый из Москвы и мой друг…

Мужчины вежливо раскланялись, хотя и не очень-то похоже было, что оба так уж рады знакомству – Даша почти физически ощутила, как между Виктором и немцем серенькой тенью пробежала недобрая волна взаимной неприязни, а уж когда мужчины обменялись взглядами, в которых посторонний человек не увидел бы ничего, кроме обычной холодноватой вежливости… Даша сразу вспомнила напыщенные и избитые штампы из старых романов, нечто вроде: «В воздухе мелькнула смертельная сталь, и сверкающие клинки скрестились, тонко звеня и высекая искры…»

– Весьма рад знакомству, господин Соболев, – сверкнул улыбкой Шталле. – Ваше имя очень широко известно у нас, я читал некоторые ваши работы – весьма и весьма интересно…

– Благодарю вас, герр Шталле, – кивнул Соболев. – Я тоже слышал о вас много… небезынтересного. В мире археологии немного найдется специалистов вашего уровня.

– Я бы никогда не позволил себе нарушить ваше уединение, господа, если бы не чувствовал некоторую вину перед фройляйн… – Немец виновато развел руками и пояснил: – Фройляйн Даша, мне очень жаль, что все сложилось именно так и вы лишились возможности продолжать свою работу. Здесь нет и не может быть никакого злого умысла – это всего лишь бизнес! Вы, русские, очень медленно работаете, а господа инвесторы из Турции не хотят ждать – они делают свой бизнес. А я умею работать быстро, очень быстро… И вот еще что… Боюсь вас огорчить, но вы и ваши друзья ошиблись, считая, что нашли дом семейства Поло. Свинцовая пломба-печать, обнаруженная вами в раскопе, могла попасть туда совершенно случайно. Например, оторвалась с тюка, транзитом следовавшего через этот городок куда-либо еще. Это не дом братьев Поло, а всего лишь портовая таверна. Всех находок – несколько глиняных черепков, парочка медных монеток и груда бараньих костей…

– Теперь это меня мало волнует, герр Шталле, – сухо прервала немца девушка. – Раскоп – ваш, вам и карты в руки.

На свете есть множество занятий гораздо более интересных, чем возня в грязном и пыльном раскопе…

Всем своим видом демонстрируя, что ей теперь решительно наплевать на все раскопки мира, Даша с демонстративной нежностью накрыла своей ладошкой руку Соболева и с легким вызовом посмотрела на немца. Тот вновь развел руками – на этот раз шутливо и понимающе, озабоченно глянул на свои очень недешевые часы и начал прощаться.

– Прошу прощения – дела! – Шталле откланялся, но направился почему-то не в сторону крепости и своей резиденции, а к открытой стойке хозяина кафе.

Через минуту у столика Соболева и Даши появился вежливый официант с букетом свежесрезанных роз и бутылкой весьма приличного шампанского. Соболев тут же повернулся в сторону ушедшего археолога и увидел немца уже метрах в тридцати от кафе: герр Шталле лукаво улыбнулся и на американский манер отдал честь, после чего развернулся и через пару мгновений исчез…

– Врет он все! – решительно заявила Даша, поднимаясь из-за стола и направляясь вслед за Соболевым в сторону гостиницы. Тот молча кивнул и, проходя мимо столика, за которым очень скромно «пировали» совсем молоденькая девчушка и ее кавалер с внешностью классического ботаника-очкарика, жестом доброго фокусника поставил перед ними бутылку шампанского, презентованную немцем, после чего и Даша протянула девочке цветы. Девчушка смущенно

улыбнулась, а «ботаник» покраснел и удивленно произнес:

– Это что, нам? Спасибо… А почему?..

– Просто так, – сурово нахмурился Соболев. – У меня от шампанского голова болит, а у девушки на розы аллергия. Арриведерчи, дети мои, и да хранит вас Дева Мария…

… – Так что там врет наш немецкий герр? – шагая по тенистой аллее, вернулся к заявлению девушки криптолог.

– Все врет, – безапелляционно фыркнула Даша. – Там точно дом семьи Поло! Я что, по-твоему, итальянский дом и дворик от таверны не отличу?!

– Успокойся, солнце мое! Не далее как сегодня ночью мы эту сову разъясним. А пока…

Нет, видно, судьбе по какой-то причине не очень-то хотелось, чтобы Соболев заполучил в объятия милую девушку в легком сарафанчике. Уже в нескольких шагах от гостиницы кто-то окликнул Дашу – оказалось, один из местных забулдыг, работавший с московской аспиранткой на раскопе. Мужичок, наслаждавшийся местным портвейном у одного из прилавков небольшого рынка, раскинувшегося рядом с «готелем», торопливо допил стаканчик и резво подбежал к терпеливо ожидавшим его москвичам.

– День добрый, дядько Василь! Ну, как вы там с новым хозяином ладите?

– Ой, Дашенька, так вы еще не знаете? – вытер мокрые губы мужичок и, закуривая дешевую сигаретку, пожаловался: – Так ведь выгнал нас всех фашист этот, чтоб ему… Те-

перь у него какие-то черные работают – вроде как турки… Они дня три назад приперлись.

Далее дядько Василь обстоятельно поведал, что не далее как сегодня утром немец разогнал наемных рабочих из местных; «ну как раз после того, как мы плиту каменную раскопали; а на плите той – буквы-закорючки и лев! С крыльями, мордатый такой…»

– Лев с крыльями… – переглянулись Соболев с Дашей. – Герб Венеции?

– Василий, а какие буквы на плите были? – Криптолог достал из кармана пиджака записную книжку, ручку и живо набросал на листке несколько слов латинскими буквами. – Такие?

– Не-е, – замотал головой Василий, – эти я знаю, в школе немецкий учил… Там такие… ну, закорючки, говорю же!

– А вот такие? – Соболев изобразил древнегреческую надпись.

– Не… Ну, дай-ка ручку… – Василь сосредоточенно посопел пару минут и протянул Виктору блокнот: – Вот, что-то вроде этого, червячки с хвостиками и точки…

Соболев сделал еще одну попытку и вывел несколько слов арабской вязью.

– Во! Точно такие! Лев и вот эти закорючки – зуб даю! Раскопали мы с мужиками ее, я по плите-то ломиком постучал, а под ней, похоже, пусто… Только мы хотели поддеть ее, как немец налетел, наорал да и рассчитал нас всех сразу…

Отвязаться от Василия, все порывавшегося в сотый раз поведать, каким гадом оказался «этот немец», удалось не сразу и не так-то просто. Солнце уже прикидывало, как бы половчее ему смыться за горизонт и подремать несколько часиков до раннего рассвета, когда в двери гостиничного номера мягко щелкнул замок и Соболев наконец-то смог свободно вздохнуть и обнять свое «сарафанное сокровище»…

… – Ну никак не может быть на плите с венецианским гербом арабской надписи! – Соболев задумчиво выпустил колечко дыма и, вновь затягиваясь сигаретой, рывком сел на широкой гостиничной кровати. – Разве что… сделанная гораздо позже?..

– Что ты там бормочешь, Вить? – чуть сонным голосом спросила Даша, расслабленно-лениво прикрываясь невесомой простыней.

– Да я все о плите той думаю… Спи. Скорее бы стемнело, что ли…

– Теперь это меня мало волнует, герр Соболев… Я спать хочу, – невнятно пробормотала девушка и, улыбаясь, добавила: – На свете есть занятия поинтереснее возни в пыльном раскопе. Все, Витька, я сплю…

6

Соболев не ошибся в прогнозе – после полуночи на черном небосводе, как ей было и положено в это время года, красовалась луна. И выглядела она вовсе не глупой, а загадочной и таинственной, словно ей было известно нечто невероятно мудрое и сокровенное – может быть, именно то, над чем безуспешно бьются записные мудрецы всех времен и народов. А в остальном все было, как и положено летом в теплых южных краях: легкий шорох морских волн, неумолчное стрекотание невидимых насекомых и невероятное количество огромных лучистых звезд, перемигивавшихся друг с другом о чем-то своем, загадочно-космическом. Соболев с Дашей, облаченные в легкую спортивную одежду темных расцветок, вышли из ярко освещенных дверей гостиницы, минуту-другую постояли на крыльце, осматриваясь и прислушиваясь к тишине ночной улицы, лишь кое-где подсвеченной редкими фонарями…

Мужчина, распластавшийся на гребне прятавшегося в непроницаемой тени густых высоких каштанов кирпичного забора, внимательно наблюдал, как Соболев докурил сигарету, бросил окурок в урну и, обняв свою девушку за плечи, направился с ней куда-то в сторону старой крепости. Наблюдатель опустил бинокль и довольно усмехнулся, пробормотал что-то вполголоса и, легко спрыгнув с забора, осторожно,

но довольно быстро двинулся вслед за скрывшейся в темноте парочкой, размышляя о том, что вряд ли криптолог и его спутница отправились на романтическую прогулку – слишком уж быстро и целеустремленно они исчезли…

По дороге в крепость Даша пару раз испуганно хваталась за рукав спортивной куртки Соболева и настороженно прислушивалась – сначала показалось, что где-то позади хрустнули камушки под чьей-то неосторожной ногой, а потом краем глаза она вроде бы уловила быстро промелькнувшую тень. Виктор, ничего не заметивший, сердито проворчал что-то насчет женской мнительности и предложил Даше поторопиться, поскольку до рассвета оставалось не так уж и много времени…

Черные прямоугольники раскопов находились довольно далековато от моря и были обнесены хлипким заборчиком из каких-то старых досок, а раскоп, в котором по сведениям, полученным от дядьки Василя, была обнаружена плита с изображением крылатого льва, был дополнительно укрыт еще и навесом из рубероида. Лопату и ломик «ночные археологи» обнаружили прямо в раскопе, на дне ямы, а кое-какие специальные инструменты вроде ножа и миниатюрных совочков-метелочек Даша предусмотрительно принесла с собой. Соболев постоял на краю обширной ямы, многозначительно указал Даше на светившееся в полукилометре окошко жилого трейлера, а затем, подсвечивая себе узким лучиком маленького фонарика, спустился на дно ямы…

Дядька Василь не соврал: под тонким слоем мусора и земли, наспех насыпанных явно недавно и явно с маскировочными целями, обнаружилась каменная плита чуть больше метра шириной и метра полтора в длину. На плите красовался крылатый пышногривый лев, смотревший на ночных гостей молча и очень серьезно. Правой лапой лев придерживал так же высеченную в камне раскрытую книгу с каким-то текстом. Кроме текста на страницах книги на камне была высечена еще какая-то надпись красивой арабской вязью.

– Черт возьми, – шепотом выругался Соболев, – а надпись сделана действительно по-арабски, и она явно не поздняя, а высечена одновременно со львом… Крылатый лев – герб Венеции, но венецианцы-то были здесь лишь до второй половины XIII века, а потом их выгнали генуэзские купцы – их лютые враги и конкуренты… Нет, что-то с этой вязью не то, ну никак ее здесь быть не может!

Виктор осторожно счистил с плиты землю и мусор, смахнул остатки широкой кисточкой и вновь внимательно присмотрелся к надписям. Молча указал Даше на выбитое латинскими буквами слово «Poulou». Девушка, подсвечивая надпись фонариком, тихо шепнула:

– Отец и дядя Марко Поло?

– Возможно, – неопределенно пожал плечами Соболев. – А ведь это не арабский язык и не тюркский. И не латынь… Это… да, греческий, только для записи использовались арабские буквы – ну, вроде того, как наши пацаны ко-

гда-то песни «Битлз», не зная языка, на слух записывали русскими буквами…

Виктор провел ладонью по тексту, вновь ткнул пальцем в группку слов и быстро зачертил обломком сухой ветки по песку рядом с камнем.

– Вот смотри… Читаем: «Мандилион убрус». На латыни это выглядит примерно так: «Mandilionus ubrus», а на греческом – так: «U#########b####».

– И что это за путаница? – недоуменно посмотрела на спутника Даша.

– Все очень просто, солнце мое! Кто-то из Поло записал греческий текст арабскими буквами, чтобы скрыть нечто важное от чужих глаз… Венецианцы широко торговали с Востоком и вполне могли знать арабский – отсюда и буквы для примитивной тайнописи. Араб не прочел бы, поскольку не знал греческого, а грек ни черта не смыслил в арабских письменах… А вот сам текст недвусмысленно указывает на Византию…

– Да черт с ней, с Византией! Что там за «мандилион» такой? – нетерпеливо спросила девушка.

– Мандилион убрус – это «чудотворная ткань»…

– И что за «ткань»? Плащаница? Так та вроде бы сейчас в Турине… Подожди! Семья Поло держала здесь свою торговлю до прихода генуэзцев. По времени это получается сразу после четвертого Крестового похода, в котором как раз по заказу хитрых венецианцев крестоносцы разгромили Констан-

тинополь и основали там свое королевство… Слушай, Витька, – Даша взволнованно схватила Соболева за рукав и торопливо зашептала: – Тогда в руки братьев Поло вполне могла какими-то путями попасть какая-нибудь священная реликвия, связанная с именем… самого Христа? А что?! С Туринской плащаницей до сих пор так и нет полной ясности – подлинный ли это погребальный покров Иисуса или более поздняя подделка…

– Даш, мы не на семинаре… – Соболев осторожно постучал тупым концом ломика по плите, услышал явный глухой отзвук пустоты и попытался подсунуть ломик под край плиты. – Нет у нас времени на дискуссии… Что гадать – авось сейчас поднимем и тогда посмотрим, что там за «убрус»…

Криптолог еще раз осмотрел плиту и, аккуратно прочистив острием ножа узенькую щель по всему периметру, вновь вставил ломик и поднажал – плита даже не шелохнулась.

– Витька, там свет!! – вдруг испуганно прижалась к плечу Соболева Даша.

– Где свет? – не понял Виктор и поче-му-то недоуменно взглянул на крылатого льва, по-прежнему смотревшего серьезно и строго.

– Да вон же, у трейлера! Похоже, там тревога…

Соболев опустил руку с ломиком и, стараясь не особо высовываться из ямы, обеспокоенно глянул в сторону лагеря археологов. Там действительно слышались отрывистые голо-

са, несколько раз мелькнули огни фонарей, а потом взвыл мотор автомобиля и ночную мглу проткнули яркие лучи фар. В следующее мгновение стало ясно, что машина, подвывая мощным двигателем, направляется именно в сторону раскопов.

– Так, солнце мое, похоже, наше дело дрянь… Надо сматываться!

Однако «смотаться» у полуночных исследователей не получилось: в спешке собирая инструменты, Соболев не то на что-то нажал, не то наступил, и… земля под ногами Виктора и Даши внезапно расступилась, и они оба провалились в черную пустоту…

7

Жак отворил обитую жестью дверцу жилого вагончика и направился за угол, где в темноте пряталась убогая будка, сколоченная из хлипких досок. Черт побери, пожалуй, не стоило на ночь пить столько пива!.. Нет, это все-таки уникальная страна! Ну где еще в мире можно встретить такие туалеты?! Разве что в Африке, где у черномазых сортир под каждым деревом и кустом… Легионер неторопливо справил свои ночные дела и, возвращаясь к вагончику, бросил недовольный взгляд на светившееся окно трейлера – этот немецкий сукин сын все еще не спит! И какого, интересно, черта? Что ж, подождем еще часок…

Именно сегодня ночью наемник собирался потихоньку наведаться в раскоп, где местные аборигены обнаружили какую-то загадочную плиту со львом, и проверить свою догадку. И плевать он хотел на запрет какого-то там турка! Жак Ренье никогда не обращал внимания на какие бы то ни было запреты, и ему всегда удавалось выбраться сухим из воды и уцелеть во всех переделках. Ну, или почти всегда… Когда несколько лет назад его, резкого паренька из далеко не фешенебельного марсельского квартала, хотела прихватить полиция за небольшие шалости, он оставил их с носом и завербовался в Иностранный легион.

В отличие от некоторых безмозглых романтиков, привле-

ченных в Легион рекламой, рассчитанной на идиотов и предлагавшей «заняться настоящим мужским делом и посмотреть мир», Жак четко осознавал, что на весь мир ему абсолютно наплевать, поскольку в этой паскудной жизни есть только одна ценность, которая что-то стоит и на которую можно смотреть бесконечно, – деньги! Вместе с остальными парнями, тянувшими нелегкую солдатскую лямку, Ренье прошел через многое и многое за время службы повидал. Служба спасла его от тюрьмы, но так и не позволила разбогатеть – простой легионер получал неплохо по сравнению с обычным работягой с завода, но все-таки гораздо меньше, чем владелец парочки чумазых нефтяных вышек в какой-нибудь аравийской песчаной дыре. Когда же Жак попытался наладить некий левый бизнес и связался с рисковыми ребятами, промышлявшими наркотой, начальство деловой инициативы капрала почему-то не оценило и от греха подальше выперло Жака со службы с волчьим билетом. С такими документами бывшему легионеру смешно было рассчитывать даже на уютную камеру в приличной тюрьме, а не то что на нормальное место вроде охранника у какого-нибудь солидного босса…

Тогда Жак поступил по-своему мудро, рассудив, что «если тебя не принимают ни в одну приличную банду, то плюнь на них на всех и создай свою!». Так появилась крохотная команда из нескольких готовых на многое парней, которые не боялись ни бандитов, ни полиции, ни даже самого черта!

Сегодня они пристроились в команде этого турка, который вместе со этим бошем Шталле промышляет антиквариатом и платит за услуги довольно прилично, а завтра… Там будет видно.

Свет у немца все еще горит, черт бы побрал эту сову ученую… Жак закурил сигарету, еще разок нетерпеливо посмотрел в сторону слабо вырисовывавшихся в полутьме невысоких отвалов раскопок и вдруг насторожился, как охотничья собака, неожиданно почуявшая дичь.

Это еще что такое?! Легионер чуть присел и, напрягая зрение, повнимательнее всмотрелся в темноту и до звона в ушах напряг слух… Нет, не показалось – там точно кто-то есть, кто-то копошится в ямах! «Дьявол, – злым шепотом яростно выругался наемник и сплюнул: – Вот только конкурентов мне и не хватало! И одному идти туда нельзя, а то потом чертов бош на меня всех собак навешает… Надо тревогу поднимать! Потом разберемся…»

– Босс, в ваших раскопках кто-то роется! – едва возникнув на пороге трейлера, объявил француз без длинных предисловий. – Думаю, надо проверить, кто там такой любопытный…

– Быстро поднимай своих ребят! – без раздумий приказал Шталле. – И давай без особого шума…

Правда, совсем без шума не получилось, поскольку звук многосильного мотора джипа в ночной тишине был прекрасно слышен минимум на добрый километр вокруг, а до рас-

копа было всего-то сотен пять метров. Через несколько минут джип притормозил перед земляным валом, насыпанным перед крайней прямоугольной ямой, и добрым десятком фар ярко осветил все пространство, занятое раскопками. Из машины, как из бронетранспортера, высыпали несколько мужчин и подбежали к раскопу, в котором мирно спал каменный крылатый лев. С первого взгляда Шталле стало ясно, что кто-то их опередил и наглейшим образом нарушил покой льва, которого турок велел ни в коем случае не трогать до его приезда. Вместо знакомой плиты в желтоватой глинистой яме чернел небольшой провал метра два на два…

Через минуту выяснилось, что плита никуда не делась – сейчас она висела вдоль стены, удерживаясь, видимо, на каких-то петлях или шарнирах. Скорее всего, злоумышленники нечаянно или намеренно привели в действие скрытый запорный механизм, и плита подобно крышке погреба открылась – только не вверх, а вниз…

– Лестница нужна, шеф, – подсвечивая фонариком в чернеющую бездну провала, деловито предложил один из бойцов Ренье, сейчас числившийся в группе «турком-разнорабочим».

– Сколько там? Метров пять? – раздраженно спросил немец. – Нет у нас такой лестницы. Давайте лебедку с джипа! Ну, кто у нас самый отважный, а?

– Зря вы так, босс, – холодно отозвался Ренье, стараясь выглядеть равнодушным и не обнаружить жгучего желания

поскорее посмотреть, что же там внизу – а вдруг именно то, что он и предполагал и за чем сам собирался наведаться в раскоп. – В моей команде трусов нет, не было и не будет! Давайте крюк…

Мотор джипа медленно заурчал на малых оборотах, и легионер, придерживаясь одной рукой за трос, прицепленный к ремню джинсов, а в другой сжимая фонарик, начал спуск в темный узкий провал…

Глубина колодца оказалась гораздо меньше, чем предполагалось, – всего-то метра четыре. И, вопреки ожиданиям, в этой дыре, некогда высеченной в мягком песчанике, не оказалось ни загадочных старинных сундуков с сокровищами, ни неведомых ночных воришек – вообще ничего, кроме грубо отесанных голых стен. Вот разве что какие-то неразборчивые надписи на одной из стен – Ренье при свете фонарика сумел разобрать только что-то вроде «Santctus Marcus»… Что-то типа обычного колодца, разочарованно подумалось легионеру, но тут его внимание привлекла возникшая в луче света узкая и темная дыра чуть меньше человеческого роста, уходившая куда-то в сторону.

– Эй, босс, здесь нет ни черта! – задрав голову, громко сообщил Ренье немцу. – Но есть какая-то дыра – похоже на подземный ход! И ведет, кажется, в сторону моря… Пусть ко мне Хуан спустится! Мы с ним попробуем пройти по этому ходу, а вы там наверху пошарьте – не могли же наши воришки испариться, если только дьявол их не уволок в пре-

исподнюю! Если они еще здесь, мы с Хуаном вам их доставим тепленькими и даже перышек этим воробушкам не помнем. Хуанито, давай, сынок, шевелись, а то увлекательнейшую охоту проспишь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.